2. «Художство»

Что значит «художство»? В Новгородской 4 летописи на этом месте — «худовъство», «худобство» и «худоство». Но эти три слова неизвестны словарю древнерусского языка. Самое близкое, что там есть, — «худьство», «хуждьство».[10] Один из вариантов чтения Новгородской 4 летописи, «худоство», приближается к «худьству», но представляет собой, вероятней всего, результат утраты буквы, может быть, надстрочного «ж». И мы не должны забывать, что рукопись ГПБ, F.IV.603 дает по сравнению со всеми списками Новгородской 4 летописи первоначальный текст, не прошедший через руки и осмысление создателей этого новгородского варианта общерусского свода, сливавших две летописных подборки воедино. Они или переписчики летописи осмыслили «художство» как этикетное выражение самоуничижения — от корня «худ» — и стали и так и сяк приближать его к существующим словам с этим корнем. Но мы должны вернуться к слову «художство». Что же оно могло значить?

В составленном в XIV в. в Сербии словаре к переводу книги «Лествица» Иоанна Синайского разъяснено: «Художьство — хитрость».[11] Этот словарь в том же XIV в. со списком «Лествицы» попал на Русь и был здесь развит в «Тлъкование неудобь познаваемомъ в писаныхъ рѣчемь», где сохранилось: «художъство — хытрость».[12] Само наличие этого слова в тогдашних словарях показывает, что оно было книжным и нуждалось в разъяснениях; отсюда понятны и затруднения с ним у создателей Новгородской 4 летописи. А что означала «хитрость», или «хытрость»? Из представляющих для нас интерес значений: искусство, ум, разум, умение, знание, наука, рассуждение, толкование (объяснение), ухищрение, философия.[13] Как мы увидим дальше, есть основания думать, что автор «Слова о житьи и о преставлении великаго князя. . .» был с «Лествицей» знаком. Мы увидим также, что он ссылается на «великого Дионисия», значит, должен был быть знаком и с сочинениями Дионисия Ареопагита. А среди толкований на книгу «О божественных именах» находится специальное развернутое объяснение смысла слова «художество»=ἐπιστήμη:

Ἐπιστήμη δέ ἐστι δόξα ὀρθὴ λογισμῷ δεθεῖσα, ἢ λόγος ἀληθὴς ἐπὶ διάνοιαν	Художьство же есть слава права, помысломь свезанна, или слово истинно вь мы-	Художество же есть правильное представление, облеченное в суждение, или же

[10] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903, т. 3, стб. 1416—1420.

[11] *Трифуновић Ђорђе.* Речник уз српске преписе Лествице: Прилог познавању српске средњовековне лексикографије. — Јужнословенскиј филолог, Београд, 1982, т. 38, с. 83, 85.

[12] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963, с. 423.

[13] *Срезневский И. И.* Материалы. . ., стб. 1428—1430.

ἀμετάπτωτος, καὶ ἡ ἀκριβὴς εἴδησις τοῦ πράγματος καὶ ἀπόφανσις, οὗ καὶ λέγεται ἐπιστήμη, ἀληθείας λόγον καὶ δόξαν ὀρθὴν προβαλλομένη, μὴ δεομένη τῆς ἐκ παραθέσεως τοῦ ὁμοίου βεβαιώσεως.[14]	сли не прѣпадаемо, и извѣстное вѣдение вещи и отречение, ее же и глаголетсе художьство, истинно слово и славу правую прѣдлагае, не трѣбуе еже от прѣдложения подобнаго извѣщения.[15]	разумение истины, сомнениями не колеблемое, и точное понимание дела, к которому оно и относится, и утверждение, предлагающее разумение истины и правильное представление, не требующее подобающего подтверждения с помощью сопоставления.

Другие определения «худож'ства» (кстати сказать, показывающие его отношение к «хытрости» и «философии») можно прочесть в «Диалектике» Иоанна Дамаскина, переведенной на славянский язык тоже в XIV в.:[16]

Φιλοσοφία ἐστι τέχνη τεχνῶν, καὶ ἐπιστήμη ἐπιστημῶν, ἡ γὰρ φιλοσοφία ἀρχή ἐστι πάσης τέχνης. Δι' αὐτῆς γὰρ πᾶσα τέχνη εὕρηται, καὶ πᾶσα ἐπιστήμη. Τέχνη οὖν ἐστι ἡ ἔν τισι σφαλλομένη, κατά τινας, ἐπιστήμη δέ, ἡ ἐν μηδενὶ σφαλλομένη. Μόνη δὲ φιλοσοφία οὐ σφάλλεται. Καθ' ἑτέρους δέ, τέχνη ἡ διὰ χειρῶν ἐργαζομένη, ἐπιστήμη δέ, πᾶσα λογικὴ τέχνη· γραμματική, ῥητορική, καὶ αἱ τοιαῦται.	Философиа есть хытрость хытростемь и худож'ство худож'ствомь, ибо философиа есть начело всакой хытрости. Тою бо всака хытрость обрѣтаетсе и всако худож'ство. Хытрость есть иже вь нечесомь погрѣшающи, по нѣкыхь; худож'ство же иже ни вь чесом' же погрѣшающи. Едина же философиа не погрѣшаеть. По иных' же, хытрость есть иже рукама дѣлаемое, худож'ство же всака словес'на хытрость: граматикия, риторикия и сицеваа.	Философия есть искусство искусств и художество художеств, ибо философия — начало всякого искусства. Через нее ведь всякое искусство обретается и всякое художество. Искусство — это, по мнению одних, то, что в чем-то ошибается; художество же то, что ни в чем не ошибается. А одна философия не ошибается. Согласно другим, искусство это что-то делаемое руками, а художество — всякое словесное искусство: грамматика, риторика и тому подобное.

[14] PG, t. 4, col. 213.

[15] ГПБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 46, Дионисий Ареопагит, XIV в., л. 86 об.; в более поздней русской орфографии см. то же самое: ВМЧ, Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870, стб. 410.

[16] *Weiher E.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969, S. 20—21. (Monumenta Linguae slavicae. Dialecti veteris. Fontes et dissertationes; T. 8).

Кроме того в «Диалектике» можно прочесть определение человека, из которого следует, что «худож'ство» — неотъемлемое свойство человеческого существа: «Человѣкь есть животно словесно, мрьтвьно, ума и худож'ства приет'но. Сиа вса сущьствьна суть. Аще бо отимеши что сихь от человѣка, не будеть человѣкь: аще бо речеши, яко нѣсть животно, не ктому есть человѣкь; и аще речеши, яко нѣсть словесно, нѣсть человѣкь; подобнѣ и аще речеши, яко нѣсть мрьтвьно, нѣсть человѣкь; такожде же аще речеши, яко нѣсть уму и худож'ству приетно, не будеть человѣкь».[17]

Значит, «художство» сочетало в себе знание и умение — умение этому знанию придать подобающую словесную форму — и считалось в какой-то мере свойственным всякому человеку.[18] А отсюда следует, что автор письма мог написать о себе «наше художство» совершенно естественно, без всякого превозношения, особенно если он осознавал себя знатоком предмета, которому должно было быть посвящено «слово», и писателем-профессионалом, принимавшим и выполнявшим литературные заказы.

Получается, что «преподобство» обратилось к автору письма с просьбой написать «слово» как к человеку з н а ю щ е м у то, что в нем должно быть сказано, и у м е ю щ е м у придать своему знанию подобающее словесное выражение. Первую фразу письма можно, стало быть, пересказать так: «Преподобство твое выпросило у нас слово как у знающих это дело», — причем «знание дела» тут надо понимать в обоих возможных смыслах разом.

---

[17] Ibid.

[18] Ср. в «Материалах» И. И. Срезневского (стб. 1415—1416) круг значений этого слова: искусство, опытность, знание, умение, ремесло, занятие, дело, деяние, поступок, причем здесь указывается случай употребления этого слова в древнерусском произведении XII в., в «Слове Данила Заточеника», позволяющий допустить, что оно произведено автором от корня «худ»: «Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, акы Агарь рабыни от Сарры госпожа своея» и «. . . пусти тучю на землю художества моего». Д. С. Лихачев переводит эти фразы: «Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей. . .» и «. . . пусти тучу на землю убожества моего» (ПЛДР. XII век. М., 1980, с. 388—391; то же самое в кн.: Повести Древней Руси XI—XII века. Л., 1983, с. 420, 421). И. И. Срезневский переводит «художество» в этих случаях в собирательном значении «худых дел». Контекст говорит в пользу переводов Д. С. Лихачева, употребление же слова в других памятниках — в пользу понимания И. И. Срезневского. Любопытно, что в XVII в. Евфимий Чудовский, правя перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, сделанный в XIV в. старцем Исайей, систематически предлагал варианты для таких слов как «художнаго», «художен» — «хитраго», «хитр»; см.: ГИМ, Синодальное собр., № 55, Д. А., XVII в.